

АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

1840—1915

1

В зимнюю ночь 1909 года в парижском кафе «Вольтер» собралось человек пятьдесят грузинских политических эмигрантов, общественных деятелей, журналистов, молодых ученых, студентов. Вдали от родины они торжественно чествовали своего дорогого и горячо любимого поэта Акакия Церетели.

На склоне лет, убеленный сединами, старик Акакий Церетели приехал погостить в стране Виктора Гюго. Мятая, исполненная страстной борьбы жизнь великого французского поэта была близка и сходна с его долгой и трудной жизненной дорогой, с его огромной и самоотверженной творческой работой на благо родного народа.

На парижском банкете было произнесено много слов, проникнутых пламенной любовью и искренней благодарностью к поэту, который своим чудесным творчеством выразил заветнейшие мечты и чаяния угнетенного грузинского трудового народа, — к тому, кто вселял дух бодрости и героизма в массах, кто на протяжении долгих десятков лет, в условиях мрачного самодержавного строя, внедрил в сознание своих соотечественников гордую уверенность в грядущую свободную, счастливую жизнь.

Особенно молодежью были высказаны в ту ночь самые яркие, душевные, искренние слова.

И престарелый поэт, до глубины души растроганный такой беззаветной любовью к нему молодого поколения, со слезами на глазах, отвечал благодарственной речью и стихами. При гробовом молчании присутствующих он высказал молодежи свои самые сокровенные мысли и чувства: «Когда первое поколение грузинской молодежи училось в Петербургском университете, среди них числился и я, — молодой, исполненный сил и здоровья, воодушевленный мечтами и надеждами на будущее. С тех пор прошло полвека, но уди-

вительно: сегодня мое старческое сердце, видя вас, бьется с такой же силой, как тогда, в пору моей молодости. Первый шаг всегда бывает слабым, и нам не удалось сделать всего того, о чем мы мечтали и чего мы добивались: разные неожиданные обстоятельства стали нам поперек дороги. С тех пор прошло много времени... Вы находитесь в сравнительно лучших условиях: воспитываетесь здесь, в стране, где, не говоря уж о чем-нибудь другом, вам никто не мешает свободно приумножать свои знания, углублять свои чувства. И потому наша родина от вас требует большего. Вы должны восполнить то, чего мы не достигли!.. Пусть никто не скажет, что, мол, есть только человечество, а не отдельные нации, народы, и что он желает служить непосредственно человечеству!.. Человечество является слагаемым из разных наций, народностей, и каждая из них должна внести свою лепту, свою творческую долю в сокровищницу человечества! И кто не служит первым долгом своему родному народу, тот не может быть полезным и человечеству... Мужайтесь и не отчаивайтесь... Вы принадлежите к тому народу, который устами Руставели вам завещал: «Надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес!» — и воспитываетесь в той великой стране, где гениальный Ришелье говорил: «В лексиконе молодого человека должны отсутствовать слова «невозможно, не могу».

Кончил свою речь Акакий Церетели экспромтом, где поэт благодарил молодежь за оказанные ему почести. И этот экспромт заканчивался памятными словами, проникнутыми глубокой мыслью и светлым оптимизмом: «Я не тот, кого вы мните во мне, — тем будущим героем будет другой! Я только призрак того «будущего»! Его, достойного вас героя, я жду из вашей же среды».

Так говорил Акакий Церетели грузинской молодежи, собравшейся вдали от родины, в зимнюю ночь, в одном из парижских кафе. Его слова были обращены ко всей молодой Грузии, ко всему грузинскому трудовому народу.

2

Акакий Церетели принадлежит к числу великих писателей Грузии. «Кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта», — говорил Гете. И действительно, чтобы в полной мере оценить значение творческой и общественной работы Акакия Церетели, необходимо иметь представление об эпохе, в которой ему приходилось жить и писать, о специфических условиях, в которых развивалась социальная и политическая жизнь грузинского народа в XIX веке.

Грузия в прошлом столетии испытывала двойной гнет социального и национального порабощения. Эпоха шестидесятых годов, эпоха «великих реформ», как известно, не принесла облегчения многомиллионному крестьянству бывшей царской России. Это пресловутое «освобождение», по словам В. И. Ленина, «было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»... «Вся вообще «эпоха реформ» шестидесятых годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве» (т. XV, стр. 142). Тяжелое положение крестьянства еще больше усугублялось в окраинных губерниях с «туземным» населением, т. е. в колониальных странах, захваченных царизмом. Грузинское крестьянство, наравне с социальным гнетом, носило также тяжелое ярмо национального угнетения. Царское самодержавие проводило грубую руссификаторскую политику в Грузии. В большинстве случаев народом управляли мерзкие чиновники, пьяницы и казнокрады. Они не знали и не желали знать грузинского языка, вытесняли этот язык из школ, из суда, из всех местных учреждений. Они преследовали национальную прессу, искусство, литературу, культуру народа.

На протяжении десятков лет грузинский народ героически боролся против своих угнетателей, против феодализма, против самодержавной власти. История Грузии XIX века отмечена целым рядом восстаний крестьянских масс, которые подавлялись правительством с невероятной жестокостью и изуверством. В деле угнетения русским царизмом грузинского крестьянства весьма активную роль играло грузинское помещичье дворянство, пользовавшееся всяческими экономическими и политическими привилегиями.

Шестидесятые и семидесятые годы прошлого столетия являются периодом консолидации и политико-экономического объединения отдельных провинций Грузии. «Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое». (И. Сталин, «Марксизм и национальный вопрос».) Эта эпоха фор-

мирования Грузии в одно национальное целое, эпоха перехода от феодализма к капитализму и вместе с тем резкого ухудшения положения крестьянских масс, совпадает с периодом литературно-общественной деятельности Акакия Церетели.

В момент его выступления на общественное поприще грузинская литература переживала острый кризис. Если не принять во внимание поэзию гениального Николоза Бараташвили, умершего во цвете лет, грузинская литература первой половины XIX столетия была отрешена от социальных вопросов, от политической жизни родной страны. Лишь Н. Бараташвили с большой глубиной новатора-гения поставил в своей поэзии ряд вопросов, охватывающих и политические проблемы современности. Его творчество явилось как бы преддверием, через которое поэтическая культура Грузии, оплодотворяемая в продолжение десятка веков великими культурами восточных народов, вошла в орбиту западно-европейских идейных влияний. В своем творчестве Н. Бараташвили поставил ряд проблем философско-этического порядка — о смысле жизни, о сущности бытия, о пределах познания, об обязанностях и назначении человека и пр. Он сразу поднял грузинскую поэзию на уровень проблематики современной ему мировой поэтической мысли. Вместе с этим, Н. Бараташвили, живший в первой половине девятнадцатого века, первый выдвинул во всей остроте вопрос о национальном порабощении грузинского народа российским самодержавием.

Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели еще на заре своей поэтической деятельности прекрасно поняли и оценили огромные достоинства поэзии безвременно погибшего Николоза Бараташвили. В его поэтическом наследии они совершенно правильно усмотрели те истоки, откуда должна была получить свое дальнейшее развитие грузинская творческая мысль. Но этого было уже мало в эпоху шестидесятых годов, когда выступили на общественное поприще Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Социально-политические проблемы обязательно должны были отразиться в грузинской литературе.

И вот, в грузинскую литературу, во всеоружии передового мировоззрения, явились молодые поэты, самые яркие представители нового поколения грузинской интеллигенции шестидесятых годов, т. н. «тергдалеули» («испившие воды Терека»). Это были в первую очередь питомцы Петербургского университета — Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Оба они были полны беззаветной решимости целиком отдаться служению родине, посвятить все силы своего творческого дарования делу борьбы за освобождение своего угнетенного народа.

Совершенно естественно, что в ту эпоху их деятельность не могла

ограничиться узкими поэтическими рамками. Положив социальные и национальные проблемы в основу своего художественного творчества, Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели вместе с тем выступили на широкое общественное поприще, как передовые и крупнейшие деятели национально-революционного движения.

Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели явились создателями новой грузинской литературы, нового литературного языка. Они заложили прочные основы критического реализма в грузинской литературе и в своем творчестве дали высокие художественные образцы этого направления.

3

Акакий Церетели был весьма многообразным поэтом. Помимо лирических стихов, он создал большое количество поэм и драматических произведений. Кроме того, его перу принадлежат памфлеты и сатиры, фельетоны и публицистические статьи, исторические хроники и новеллы, большие повести и поэтизированные воспоминания, лучшим образцом которых является «Пережитое». С большой любовью и мастерством Акакий Церетели работал также в области детской литературы. На его стихах, рассказах и сказках воспитывались и воспитываются теперь целые поколения детей. Заслуживают внимания его высоко поэтические переводы басен Крылова, представляющие собою скорее оригинальные произведения на сюжет этих басен, чем переводы.

Акакий Церетели придал грузинскому поэтическому слову удивительную легкость, яркость, музыкальность. В истории грузинской поэзии нет другого поэта, кроме Руставели, который мог бы сравниться с ним в мелодичности стиха, в непринужденности стихотворной фразы, в умении передать в поэтическом слове тончайшие нюансы мыслей и чувств. Его поэтические образы, метафоры, эпитеты отличаются яркостью, смелостью, новизною. Он всегда тщательно следил за внешней, технической отделкой своего стиха, но никогда не впадал в крайность. В этом отношении он строго придерживался лучших поэтических традиций старых, классических мастеров грузинского поэтического искусства.

Акакий Церетели был глубоким знатоком народного творчества, живительные источники которого питали его дарование еще с юных лет. Именно эти истоки народной поэзии придали его творениям неувыдаемую силу обаяния, свежесть, простоту и вместе с тем яркость поэтических красок. Сочетав лучшие традиции родной «письменной» литературы с глубоким проникновением в богатейшие недра народ-

ного творчества, Акакий Церетели освоил лучшие достижения русской и мировой художественной литературы. Оплодотворив свое творчество передовой идейностью эпохи, поэт создал блестящие образцы поэтической культуры. Вместе с Ильей Чавчавадзе он сумел поднять грузинскую литературу XIX века на исключительно высокий уровень.

4

Акакий Церетели пользовался необыкновенной любовью и популярностью в родном народе. Еще при жизни поэта его стихи и поэмы были широко известны во всех углах Грузии. Их знали наизусть и дети, и взрослые, и старики. Они перекладывались в песни и распевались во время полевых работ, на пирушках, в минуты горького одиночества. Молодые люди объяснялись ими в любви, матери убаюкивали детей в колыбели. С этими же песнями на устах шла грузинская революционная молодежь на боевые баррикады в грозные дни 1905 года.

Еще при жизни Акакия Церетели грузинский народ с огромным воодушевлением отпраздновал пятидесятилетие литературной деятельности своего любимого поэта. Это было в 1908 году, в эпоху мрачной столыпинской реакции, ровно через год после подлого убийства царскими охранниками великого грузинского писателя Ильи Чавчавадзе. Юбилей Акакия Церетели вылился в политическую демонстрацию против царизма, в железных тисках душившего всякое проявление национального самосознания в грузинском народе.

Чем же объяснить такую безмерную любовь народа к своему поэту, такую необычайную популярность его в среде широчайших масс трудящихся и интеллигенции Грузии?

«Каждый духовно здоровый человек, — писал Алексей Максимович Горький, — являет собою как бы туго свернутую хартию, испиленную впечатлениями исторического бытия его племени, его предков. В счастливых условиях эта хартия, развертываясь, обогащает нас такими радостными явлениями, как Шевченко, Пушкин, Мицкевич, — людьми, воплощающими дух народа с наибольшей красотой, силой и полнотою». Эти замечательные слова великого писателя в полной мере применимы и к Акакию Церетели. Ведь Акакий Церетели во всех своих произведениях «с наибольшей красотой, силой и полнотою» и вместе с тем с удивительной глубиной и многогранностью воплотил дух грузинского народа, веками боровшегося за свои национальные и социальные права, за свою свободу, за свое счастливое будущее.

Акакий Церетели принадлежит к той категории поэтов, которые

сознательно ограничивали свою творческую миссию «узкими» рамками национальной тематики, служением родному народу, делу борьбы за освобождение угнетенной родины. В конечном счете эти поэты выражали мысли и заветные чаяния народов, испытывавших тяжелый гнет поработителей и в суровой борьбе добивавшихся своей свободы. В этом отношении творчество этих поэтов было прогрессивно. Оно переступало через узко национальные пределы и делалось общечеловеческим достоянием. Вполне закономерно сопоставление основных мотивов поэзии Акакия Церетели с творчеством таких великих поэтов, как Мицкевич и Шевченко.

Еще на заре своей политической деятельности, на ученической скамье, а также в годы студенчества, в Петербурге, Акакий Церетели близко знакомится с творчеством Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Мицкевича, Шевченко. Вот кто были первыми учителями молодого грузинского поэта, в основном определившими дальнейший путь его творческого развития.

Близость к радикально настроенным студентам шестидесятых годов, имевшим тесные сношения с Чернышевским, Добролюбовым и вообще с революционно-демократической интеллигенцией, группировавшейся вокруг журнала «Современник», во многом способствовали окончательной выработке Акакием Церетели тех утилитарно-эстетических принципов, которых он придерживался в своем творчестве неуклонно, вплоть до самой смерти.

У Пушкина и Лермонтова он учился высокому мастерству стиха, глубине и ясности творческого восприятия народного духа. Мицкевич и Шевченко способствовали выработке в Акакии Церетели непримиримого борца за дело освобождения угнетенной родины, поэта, посвятившего все свое творчество пропаганде национально-освободительных идей.

Чрезвычайный интерес в этом отношении приобретает встреча молодого студента Акакия Церетели с великим Тарасом Шевченко, состоявшаяся в Петербурге на квартире профессора истории Н. И. Костомарова. Это было около 1860 года, после возвращения Шевченко из ссылки. В беседе, затянувшейся до глубокой ночи, великий украинский кобзарь долго расспрашивал молодого грузинского поэта о жизни его народа, об историческом прошлом Грузии, о ее современном состоянии.

«Как много общего у этого народа с нашим! — заметил Шевченко. Он вздохнул и стал говорить об Украине, уни и проч. Говорил грустным тоном, но оживленно, и я не узнал в нем прежнего старика... Разошлись мы друзьями, дав друг другу обещание встречаться почаще... Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как

надо любить родину и свой народ...» Так вспоминал Акакий Церетели о своей встрече с Шевченко.

Конечно, в условиях царской цензуры он не мог в подробности передать содержание всего разговора, он вынужден был писать об этом только намеками. Нетрудно понять, о чем должен был говорить Шевченко так долго с молодым грузинским поэтом и пламенным патриотом, питомцем той далекой страны, где:

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию облиты...

Ясно, тема их долгой беседы касалась главным образом политического положения народов, имеющих «много общего» между собой, — т. е. Украины и Грузии, — и общественных обязанностей молодого поколения в деле служения народу.

Уже в ранних стихотворениях, написанных в пору студенчества, Акакий Церетели резко намечает основную тематику своего поэтического творчества. Главной темой для него является тема борьбы за освобождение родины от гнета царизма. Одновременно с этим в его поэзии выявляются параллельные характерные мотивы борьбы против классового угнетения трудящихся масс со стороны местных крепостников и буржуазии.

Великая новаторская роль Акакия Церетели как писателя прежде всего определяется тем, что он вместе с Ильей Чавчавадзе впервые в грузинской поэзии XIX века широко использовал общественно-политическую тематику. Этим они чрезвычайно увеличили социальную значимость новой грузинской литературы, раздвинув рамки ее воздействия на широчайшие слои народа.

«Историческое значение каждого русского великого человека, — писал Н. Г. Чернышевский, — измеряется его заслугами родине; его человеческое достоинство — силою его патриотизма». С этой точки зрения — не говоря уже о художественно-поэтических достоинствах его творений, — Акакий Церетели, наряду с Ильей Чавчавадзе, доминирует над всем развитием грузинской общественной мысли прошлого столетия.

5

Как мы уже отмечали, мировоззрение Акакия Церетели выработалось под большим влиянием русских революционных демократов шестидесятых годов. Но все-таки Акакий Церетели не смог во всем подняться до высокого уровня радикальных политических и социальных идеалов разночинной интеллигенции, группировавшейся во-

Акакий Церетели

круг «Современника». Он твердо усвоил новые эстетические принципы шестидесятников, которые явились исходным пунктом для дальнейшей его поэтической деятельности. Под влиянием новой революционно-демократической идеологии он категорически отверг реакционную эстетику либерального дворянства, выражавшуюся в лозунге «искусство для искусства». Однако он не примкнул также и к другой крайности, проповедывавшей базаровский нигилизм в отношении искусства, — он не принял «писаревщины» и писаревского «разрушения эстетики». «Когда во главе течения, — пишет Ак. Церетели в своей автобиографии, — отрицавшего в литературе художественность, стали даровитый Писарев и крикливый Зайцев, вся читающая Россия всколыхнулась; тогда была провозглашена чудовищная по глупости мысль: «Сапоги Антоновича полезнее Шекспира». Одновременно старались, конечно, сравнить с землей и Пушкина...» «Я не пошел, как другие, за большинством. Зайцева я ни во что не ставил, а талантливого Писарева хотя и ценил, но многое в нем не одобрял. Не примкнул я и к тому течению, которое утверждало, что в поэзии довольно одной звучности и красоты».

Акакий Церетели выбрал срединную позицию в этом споре, имевшем в те времена решающее, принципиально-политическое значение. Свои воззрения на общественную роль искусства Акакий Церетели неоднократно высказывал в статьях и в своей поэзии.

Следуя за Чернышевским, Акакий Церетели цель и назначение своей поэзии видел только в отображении действительности, в борьбе против неприемлемого социального и политического строя, в служении обществу, народу, своей родине. «Литературу я всегда считал орудием борьбы и служения потребностям дня», — писал поэт в одной своей статье. В другом месте он еще отчетливее формулировал свои взгляды: «В произведениях поэта мы должны усматривать все, что почувствовало его сердце, выражающее чаяния народа. Поэтому писатель не имеет права закрывать глаза на каждодневные общественные явления, как бы они ни были малозначительны. И чем талантливее поэт, тем сильнее он подчиняется вышеприведенным условиям». Эти взгляды проводились Акакием Церетели с неуклонной последовательностью во всех его художественных произведениях. Например, в стихотворении «Поэт» Акакий Церетели подчеркивает, что его творчество служит выражением мыслей и чаяний народа:

Мой язык — лишь вещатель дум,
Что я слышал в словах людей,
Что я глазом схватил — и ум
Смерил, взвесил в глуби своей...

В своей лирике Акакий Церетели часто персонифицировал свою угнетенную родину в образе любимой женщины и посвятил ей целый ряд шедевров, достойно считающихся жемчужинами грузинского поэтического слова. Тема поработанной родины, как было уже сказано, является доминирующей темой в поэзии Акакия Церетели. Священное чувство патриотизма, это «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями» (В. Ленин), — Акакий Церетели выразил в своем творчестве с огромным поэтическим вдохновением, с поразительной экспрессией и пластичностью. Еще в ранней своей молодости, в Петербурге, он пишет одно из первых своих стихотворений («Свирель»), отражающее горькие переживания поэта, вспоминающего далекую родимую страну, низвергнутую в прах, превращенную в жалкую, нищую, темную колониальную провинцию. Он обращается к пастушеской свирели:

Где ты, свирель? Начни опять
Отрадно, сладостно звучать,
Чтоб здесь, на севере, звеня,
Грузину сердце согреть.

Поешь ты меж пастушьих рук,
И внемлют горы, внемлет луг.
Твой светлый звук восходит ввысь,
Нисходит в мглу твой грустный звук.

И песнь летит, сестры нежней,
Моя печаль созвучна ей.
Твой стон, свирель, вещает мне
О стонах Грузии моей.

Многие стихи Акакия Церетели проникнуты элегическими настроениями. Поэту был ясен тяжелый удел родины, и он особенно страдал, чувствуя, что народ еще бессилён бороться против своего заклятого врага — самодержавия.

Но не только печальные раздумья характерны для патриотической лирики Акакия Церетели. Большинство его стихов проникнуто бодрим духом большого оптимизма, твердой, почти фанатической уверенностью в грядущую свободу, в счастливую, радостную, полноценную будущность своего народа. Поэт сравнивал свою родину со спящей больной, которая воспрянет ото сна назло всем ее врагам:

Не умерла... Уснула лишь...
Пробудится, опомнится...
А смерть ей накликавшие
Скорей ее скончаются.

Мыслью о грядущей свободе родины проникнуты лучшие стихотворения поэта. В одном из них поэт от имени Грузии обращается к царскому самодержавию:

Я твой пленник, но в сердце глубоко
Утешение надежды таю,
Что дождусь я желанного срока,
Рок разметет твердыню твою

И разрушит навек угнетенье,
Все лукавство твое упраздня,
Укрепит он во мне разуменье
И свободным признает меня.

(«Самодержавию».)

Всю свою долгую жизнь, свое огромное поэтическое дарование Акакий Церетели посвятил одной заветной мечте — освобождению своей страны от национального и социального рабства. В своих памфлетах и уничтожающих сатирах он бичевал не только «скифов» и «северян», под которыми он подразумевал царское самодержавие и его сатрапов-колонизаторов, — но и внутренних недругов и врагов народа. Он нападает на феодальное дворянство, угнетавшее народ и продававшее родину за чины и почести, за свои сословные привилегии, щедро даруемые царской властью. Он нападал на духовенство, нагло обманывавшее народ, на буржуазию, сосущую кровь из него; на бесчестных чиновников — взяточников и казнокрадов. Наконец мишенью обличительных произведений Акакия Церетели являлась безвольная, лицемерная, эгоистическая, мелочная, недееспособная часть грузинской интеллигенции, которая небрежно отмахивалась от святой обязанности служить интересам народа. В этом отношении стихи нашего поэта по силе социального протеста и меткости сатиры напоминают нам беранжеровские песни, а также стихи Виктора Гюго, из книги «Возмездие». Основную опору в деле национально-освободительной борьбы против царизма Акакий Церетели видел в самом народе, в творческих силах трудящихся масс, в интеллигенции, вышедшей из недр народа и готовой отдать все свои силы его

интересам. Именно к ним, выходцам из социальных «низов», обращался с призывным кличем поэт в ряде своих стихотворений:

Но лишь надежда — дар неба —
В сердце несчастном мелькнет,
Мнюсь я себе Тариэлом, —
Так мне мечта запоет.

Вот с Автандилом, с Фридоном
Станем к плечу мы плечом
И Дареджану у каджев¹
Мы отвоюем мечом.

Пусть расцветает надежда,
Сил седины не убьют!
Нагара, дапи², взывая
К славным героям, поют!

(«Седина».)

В своих поэмах Акакий Церетели отразил отдельные драматические моменты грузинской истории, борьбу лучших сынов Грузии против внешних завоевателей, их беспримерный героизм и самоотверженность. Несмотря на то, что сюжет этих поэм разворачивается на фоне старой Грузии, идейное содержание и общая тенденция их свидетельствуют об авторе, как о передовом человеке XIX века. Поэт-борец на исторических образцах прошлого показывал современникам, как надо любить свое отечество, с какой беззаветностью надо служить интересам народа. Своими поэмами, так же как и лирическими стихами, Акакий Церетели пробуждал в Грузии национальное чувство. К лучшим поэмам Акакия Церетели относятся «Торнике Эристави», «Баграт Великий», «Натэла», «Воспитатель», драматические произведения в стихах — «Тамара Коварная», «Маленький Кахи» и др.

В поэме «Торнике Эристави» отражается далекая эпоха жизни Грузии (X век), когда грузинский народ начинал собирать свои национальные силы и пошел по пути политического и культурного

¹ Т а р и э л — герой поэмы Ш. Руставели. Вместе с Автандилом и Фридоном освободил свою возлюбленную Нестан-Дареджан, заключенную в крепости злыми существами — каджами.

² Н а г а р а — труба; д а п и — барабан.

подъема. В поэме использован исторический факт военной помощи Грузии своему протектору — Византийской империи, которой угрожал разгромом один из отложившихся от центральной власти военачальник Барда Склярос. Главный герой поэмы — отшельник Торнике, бывший полководец грузинского царства, после долгих увещаний соглашается снова занять свой пост. Под его руководством грузинские войска одерживают победу над Скляросом и водворяют порядок в Византии. Одним из центральных моментов поэмы является эпизод приглашения монаха Торнике царем Давидом Куропалатом на пост главного военачальника. После долгих увещаний и внутренних колебаний Торнике решает променять крест на меч и тем исполнить свой долг перед родиной. Этот эпизод определяет также и основную идею поэмы: для каждого человека священный долг перед отечеством должен стоять выше всего.

Поэма «Торнике Эристави» написана в зрелый период творчества Акакия Церетели с большим искусством. Отдельные места поэмы, как, например, вступление к поэме, песня о прикованном Амيرانе (Прометее) и ряд других, являясь шедеврами грузинской поэзии, давно обрели самостоятельное значение и широко известны в Грузии как отдельные песни.

В поэме «Воспитатель» Акакий Церетели использовал народную легенду, трактующую высокую мораль священного чувства дружбы и братства. Поэт показывает идеалы старого воспитания и как бы противопоставляет их современным ему общественным нравам и моральным устоям. Поэма «Воспитатель» также написана с большим мастерством и яркостью.

Несмотря на сознательно подчеркиваемые тенденции, поэмы Церетели далеки от навязчивого морализирования, от холодного и навязчивого дидактизма. Они относятся к тем произведениям настоящего, большого искусства, которые поражают присущей им гармонией чувств и мыслей, искренностью переживаний, простотой и вместе с тем тонкостью мастерства.

7

Как уже отмечалось выше, Акакий Церетели был непримиримым врагом социальной несправедливости, всяческой эксплуатации человека человеком. Еще в начале своей поэтической деятельности он явился одним из рьяных борников освобождения крестьян от крепостной зависимости. В бытность свою петербургским студентом он написал целый ряд стихотворений, рисующих тяжкую участь подне-

вольного крестьянства, закабаленного в ярмо крепостничества. Вот, например, описание крестьянской доли в стихотворении «Трудовая песня» (1861):

Будем мотыжить мы поле,
Песню рабочую грянем,
Чтоб разлучились мы с болью,
Вечной нуждой и страданьем.

Не для крестьян с этих пашен
Будет снята кукуруза.
Барин покинутым страшен,
Барин несчастным обуза.

Жалобам нашим не внемля,
Давят свои и чужие.
Потом горячую землю
Нам орошать не впервые.

Сеем мы в пахоту семя,
Чтобы кормить тунеядца,
С голоду мрут наши семьи,
Чтоб богачам насыщаться.

Аналогичны по своему содержанию и другие стихи, отражающие подневольный труд крепостного крестьянства («Исповедь крестьянина», «Желание работника» и многие другие). Много стихов посвятил Акакий Церетели также отдельным моментам жизни и работы трудящихся. В этих произведениях показаны радости труда, чаяния, горести, мечты народа. Эти стихи безусловно относятся к шедеврам грузинской социальной поэзии («Колыбельная песня», «Песня во время жатвы», «Рабочая песня», «Рабочим», «Моя козочка», «Песня пастуха», «Богатому от бедняка», «Имеретинская колыбельная» и др.).

Очень интересны высказывания Акакия Церетели о крестьянском вопросе в одной из его статей 1876 года, озаглавленной «Как надо сблизиться с народом». Он пишет: «...наш трудовой, земледельческий народ... вот кому должны принадлежать все наши симпатии. Мы должны способствовать и радоваться его благоденствию. Мы должны помогать ему, давать советы, но с такой предусмотрительностью и вдумчивостью, чтобы не дать ему споткнуться...»

Не было явления в политической жизни народа, на которое не отзывался бы Акакий Церетели своими замечательными стихами.

1 марта 1881 года, получив известие об убийстве императора Александра Второго, он пишет знаменитое стихотворение «Весна», проскользнувшее через бдительные глаза царской цензуры и напечатанное в тбилисской газете «Дровба». Это стихотворение чуть ли не на другой же день было известно всей стране. Поэт спасся тогда от Сибири только потому, что царские жандармы не осмелились тронуть популярнейшего поэта Грузии.

Вдохновленный любовью к трудовому народу, Акакий Церетели первый перевел на родной язык великий гимн международного пролетариата — «Интернационал» Эжена Потье. В 1905 году, в бурные дни первой революции, он создал целый ряд блестящих стихов, в которых, выразив всю силу народного гнева против царского самодержавия, воспел геройство, мужество и самоотверженность революционного рабочего класса, идущего на баррикады против царизма.

В это время написаны стихотворения: «Желание», «Кинжал», «Долой правительство бесчестья» и целый ряд других. «Этого дня я ждал с нетерпением, — пишет он в одном из стихотворений этих дней, — и дождался. Смеюсь, уж не плачу я! Молодежь, выходи на бой». Но призывая рабочий класс на борьбу, поэт в то же время советовал ему: «Не спешите, но и не страшитесь, крепите свои ряды!..» В стихотворении «Желание» поэт прямо указывает на необходимость кровавой борьбы против царизма:

Надвигайся же и шуми, потоп;
Произвол топи, гнет бесправия,
От единства, братства, согласия
Рухнут стены самодержавия.

Некоторые стихотворения поэта, написанные в эти грозные дни революции 1905 года, полны страстного пафоса. Они дышат пламенной ненавистью к самодержавию, являются как бы боевыми прокламациями, переложенными на поэтический язык:

Долой правительство бесчестья!
Нуждой измученные злой,
Мы голоса сливаем вместе:
Долой правительство, долой!

Довольно горю править краем,
Конец покорности быллой,
Терпеть мы больше не желаем
И, пробудясь, кричим: долой!

Старый поэт, отдавший всю свою долгую жизнь делу борьбы за освобождение родины, был воодушевлен надеждой, что победа революции гарантирует национальное освобождение его народа. Правда, он неясно представлял все цели революционной борьбы. Он был далек от понимания классовых задач пролетариата. Но в одном он безусловно был прав: национальная свобода Грузии действительно могла быть обеспечена только победой рабочего класса над своим классовым врагом — над буржуазией, над капиталистическим строем.

8

Поэзия Акакия Церетели проникнута глубоким, благороднейшим чувством любви и симпатии к братским народам. Он был бесконечно далек от низменного шовинизма, что характеризовало значительную часть современной ему грузинской дворянской и буржуазной интеллигенции. С огромным уважением он относится к великому русскому народу, к его культуре, искусству и литературе, к лучшим представителям русской общественной мысли. Он чрезвычайно ценил великих русских писателей и мыслителей — Герцена, Чернышевского, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Льва Толстого. Характерно, что Акакий Церетели начал свою поэтическую деятельность с переводов из Лермонтова. Он посвятил прекрасные стихи памяти Гоголя, написал статьи по случаю смерти Л. Толстого, проникнутые большой любовью и знанием его творчества.

Акакий Церетели с таким же уважением относился и к лучшим, передовым представителям других народов. Мы уже говорили о его знакомстве с Тарасом Шевченко. В дальнейшем он не упускал случая проявить свои симпатии к украинскому народу. В 1914 году, когда повсеместно по всей Российской империи воспрещалось чествование памяти Шевченко, он не только принял участие в шевченковском вечере, устроенном украинцами в Тифлисе, но и демонстративно, на глазах у жандармов, преклонил колена перед бюстом великого кобзаря. А за три года перед этим, в пятидесятую годовщину смерти Шевченко, он поместил в русской газете, специально для того, чтобы это было известно всей России, свои знаменитые, проникнутые большой симпатией и любовью к украинскому поэту, воспоминания о первой встрече с Шевченко.

Акакий Церетели часто ездил на Украину, держал тесную связь с передовой украинской интеллигенцией, которая, в свою очередь, очень ценила и уважала его. В Харькове грузинскому поэту был устроен большой вечер, который вылился в настоящую большую демонстрацию дружбы Украины и Грузии.

Много писал Акакий Церетели об армянах. Он резко выступал против тех буржуазных публицистов (как армянских, так и грузинских), которые сеяли вражду между двумя народами, неразрывно спаянными между собой общей исторической судьбой. Он искренно любил армянский народ, его культуру, его лучших представителей. Он был связан долголетней близкой дружбой с знаменитым армянским драматургом Габриэлом Сундукьяном, которому посвятил свои стихи. Лучшие поэты Армении знали лично Акакия и с любовью переводили его стихотворения. К ним нужно отнести друга грузинского народа великого Ованеса Туманяна, а также поэта Вагана Терьяна, который оставил прекрасные, проникнутые теплым чувством, воспоминания об Акакии Церетели.

С таким же уважением относился Акакий к азербайджанскому народу. Он очень высоко ставил великого азербайджанского писателя Мирза-Фатали Ахундова, почитая его большой талант за то, что «в его произведениях жизнь азербайджанского народа отражена, как в зеркале». Акакию принадлежит перевод известной пьесы М.-Ф. Ахундова «Ханский визирь», неоднократно ставившейся на грузинской сцене.

Везде, в своих стихах и поэмах, во всех произведениях, Акакий Церетели базировал свои патриотические чувства на идеях братства народов. Одно из своих стихотворений, посвященных Г. Сундукьяну, Акакий начинает следующими словами: «Добра желаю всем, без различия национальности, кто является истинным человеком и чье сердце горит огнем правды. И нет для меня большей радости, чем общение и братская дружба с ним!..»

Поэтическое наследие Акакия Церетели исключительно дорого для свободного советского грузинского народа. Оно является таким же дорогим и близким для всех братских народов нашего Союза, взаимную любовь и дружбу которых воспевал в своих стихах великий грузинский поэт.

Акакий Церетели умер в 1915 году, семидесятипятилетним стариком. Вскоре сбылась заветная мечта поэта: свершилась Великая Октябрьская революция, и трудящиеся нашей страны, под руководством великой партии Ленина — Сталина, разорвав навсегда оковы капиталистического строя, заложили прочные основы национальной свободы всех угнетенных народов. Сталинская дружба советских народов крепнет с каждым днем. Солнце Сталинской Конституции освещает их счастливую, радостную, культурную жизнь в великой стране социализма.

Леван Асатиани